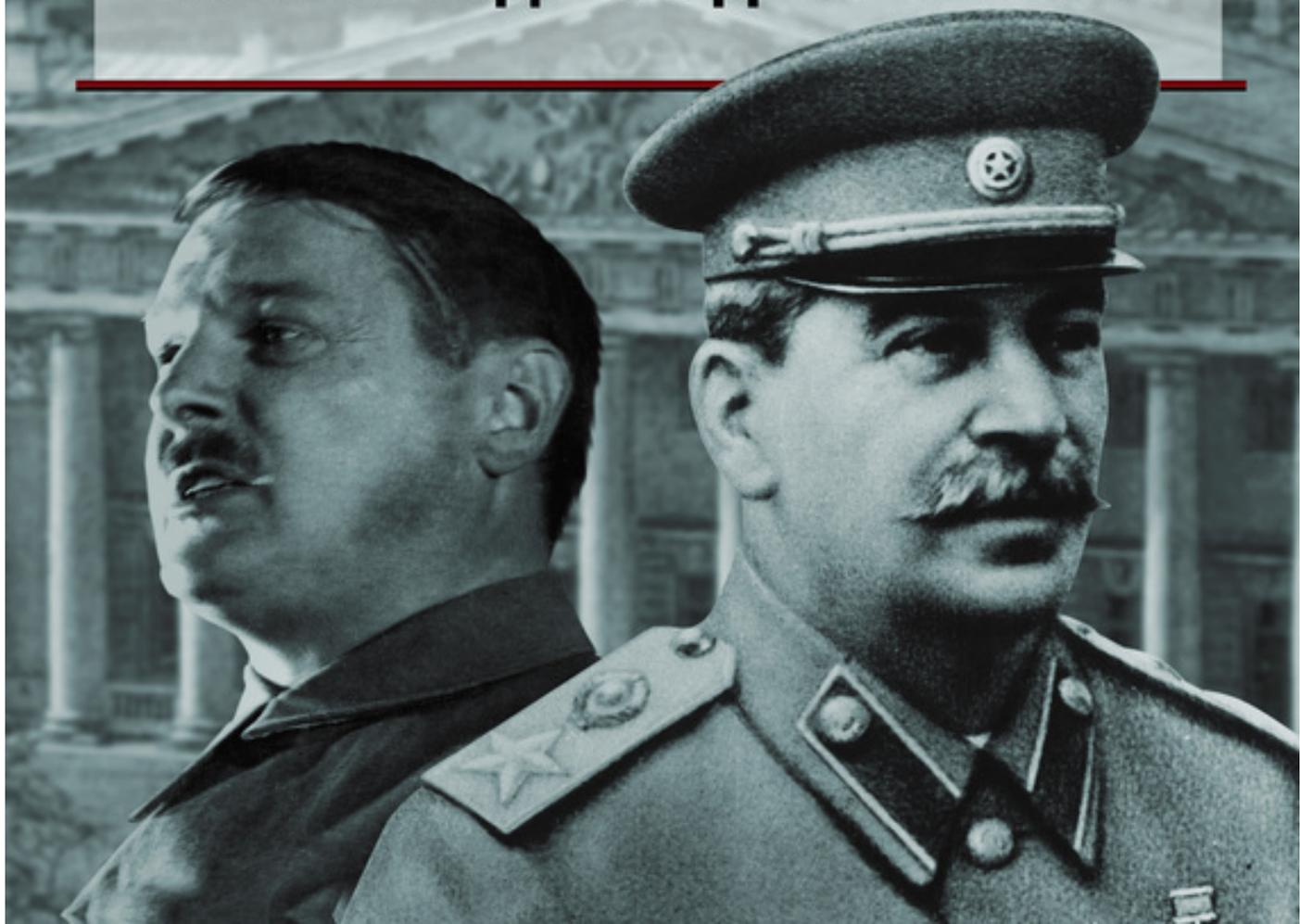

СТАНИСЛАВ РЫБАС

**МОСКОВСКИЕ
ПРОТИВ
ПИТЕРСКИХ**

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО СТАЛИНА

Трагедии советской истории

Святослав Рыбас

**Московские против питерских.
Ленинградское дело Сталина**

«Алисторус»

2013

Рыбас С. Ю.

Московские против питерских. Ленинградское дело Сталина /
С. Ю. Рыбас — «Алисторус», 2013 — (Трагедии советской
истории)

Данная история относится к периоду «позднего Сталина», когда перед его ближайшим окружением встал вопрос о преемнике вождя. Среди всех конфликтов того времени она выделяется тем, что в ней отразилась основная проблема государственного устройства страны, соперничество центральной власти и региональных, в том числе и национальных элит, в данном случае – русского руководства. Святослав Рыбас впервые исследует проблему во всей ее сложности, учитывая практически все сопутствовавшие ей аспекты и сделавшие «ленинградское дело» трагедией, имеющей прямое отношение к острейшим проблемам современной России. Его перу принадлежат политические биографии крупнейших фигур российского XX века – Столыпина, Сталина, генерала Кутепова, Громыко (вышедших в серии ЖЗЛ), а также романы о Первой мировой и Гражданской войнах. Он почетный академик Академии военных наук РФ, член Попечительского совета храма Христа Спасителя в Москве.

© Рыбас С. Ю., 2013

© Алисторус, 2013

Содержание

Традиции прошлого, диктат настоящего и потребности будущего	5
Глава 1	9
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Станислав Юоьевич Рыбас

Московские против питерских: Ленинградское дело Сталина

Памяти отцов

Традиции прошлого, диктат настоящего и потребности будущего От автора

Когда-то я написал повесть «Зеркало для героя», по которой был поставлен замечательный фильм. Сюжет повести такой: герой перемещается во времени и попадает в послевоенный Донбасс накануне своего дня рождения 8 мая, встречается со своими молодыми родителями и переживает сильное моральное потрясение. Ему многое непонятно и даже страшно, но любовь к родителям и желание понять их оказывается сильнее всего.

Когда говорят, что у истории нет сослагательного наклонения, то лукавят или чего-то не понимают. У истории в том смысле, как я ее воспринимаю, всегда есть сослагательное наклонение, ибо она, как говорил еще Шекспир, – это «черновик будущего». Да, 8 мая – день моего рождения, так уж получилось. В этот день ко мне приходят мои родные, которых давно нет со мной, и я в уединении беседую с ними о многом. Все это очень личное, однако в этих разговорах есть один общий момент. Среди моих близких – разные люди: запорожские казаки, шахтеры, белогвардейцы, земские деятели, медики, чекисты, советские офицеры, горные инженеры, ученые. Возможно, не все относились бы друг к другу по-родственному, но я их словно умиротворяю. Вот уже много лет я веду с ними нескончаемые разговоры, в результате чего появилась не только упомянутая повесть. Для меня было естественным написать биографии последнего героя императорской России премьер-министра Петра Столыпина, белогвардейского генерала Александра Кутепова, руководителя СССР Иосифа Сталина (в этой многолетней работе мне помогала моя дочь Екатерина), генерала Александра Самсонова, министра иностранных дел СССР Андрея Громыко. У меня не было намерения ни возвеличивать их, ни проклинать. Я хотел понять, почему они появились в нашей истории, какие уроки они нам оставили. После каждой книги меня называли то монархистом, то белогвардейцем, то сталинистом. Так людям удобнее. Впрочем, Патриарх Алексей II счел нужным после выхода биографии Сталина прислать мне письмо, в котором сказал о важности целостного понимания истории.

Мы с ним были знакомы больше двадцати лет, с тех пор, как я стал заниматься восстановлением храма Христа Спасителя. Тогда же мне подарили путеводитель по «Бородинской панораме», откуда я узнал нечто прямо-таки мистическое. В наградных списках одного из кирасирских полков дивизии Бороздина, который участвовал в Бородинском сражении, говорится: «Вахмистр Игнатий Рыбас, будучи все время под неприятельскими выстрелами и во время атаки врубившись в неприятеля, положил на месте двух и, несмотря на нанесенные ему тяжелые раны, не переставал храбро отличиться, поощряя в эскадроне и прочих нижних чинов». Когда я рассказал об этом Патриарху, он в ответ поведал свою историю, которую тоже узнал совсем недавно: один из его предков, полковник Александр Ридигер, был участником войны 1812 года, участвовал во взятии Парижа, его имя было на мраморных досках храма. Вышло так, что в деле восстановления храма наши предки начали нам помогать.

Мой дед Виталий Иванович Григорьев воевал в Добровольческой армии. Он окончил гимназию и был мобилизован. (Мобилизации подлежали лица соответствующего социального положения, в том числе студенты и выпускники-гимназисты.) Был ранен, осколок гранаты попал в шею и едва не распорол яремную вену. Этот осколок остался у него на всю жизнь. В 1920 году дед с Добровольческой армией, которой командовал генерал Александр Кутепов, оказался в Турции, в городке Галлиполи на берегу Дарданелльского пролива, в ста километрах от Константинополя. Я побывал в Галлиполи в декабре 1989 года. Маленький городок, квадратная бухта, на берегу – кафе, чуть дальше квадратная крепостная башня, в которой когда-то томились пленные запорожцы и где Кутепов устроил гауптвахту. И ветер, пронизывающий ветер. А вдали через пролив – темные горы, Малая Азия. Мое воображение было возбуждено. Я искал следы русских, ждал какого-то знака. Ледяной ветер – вот что было мне ответом.

Такой же ветер встретил в конце ноября 1920 года Виталия Ивановича и всех добровольцев. После поражения в Таврии, сдачи Перекопа и ускоренного марша на Севастополь, чтобы оторваться от красных и провести без потерь эвакуацию, моральных сил для жизни не осталось. Армию свели в корпус, ему отвели поле на берегу реки Буюкдаре, и на голой земле стали располагаться полки и дивизии. Некоторые просто ложились на землю, чтобы сильнее промерзнуть, простудиться и умереть. Кутепов издал первый приказ: строить лагерь, а тех, кто хочет умереть, считать дезертирами и расстреливать. Кутепов был диктатором. Но он спас корпус. О генерале Кутепове я потом написал книгу, и там описано в подробностях, как строили полковые церкви, полковые городки, как оживала воля. В Галлиполи было устроено много такого, что потом потрясло воображение: гимназии, театр, журналы, хоры, футбольная команда, которая обыграла английских военных моряков, проводились учения и смотры, а главное – был восстановлен боевой дух. В 2010 году Центр русской славы Андрея Первозванного восстановил в Галлиполи памятник русским воинам. Я принимал участие в этой работе.

Потом дед вернулся в Советскую Россию, стал горным инженером, участником индустриализации. После Гражданской и разложения государства он стал сторонником сильного государства. Может быть, поэтому я написал биографию Сталина... Вот так от белых – к великому вождю. В каком-то смысле совокупный опыт моего рода и стал тем «зеркалом», в котором я «прочитал» свои книги, они отражены и здесь.

Исторические герои – это наши важнейшие современники, без них мы превратились бы в биологических роботов. Мне очень близка мысль русского философа С.Л. Франка, что наши ушедшие предки оказывают на нас сильное воздействие хотя бы тем, что, когда в критические минуты мы мысленно обращаемся к ним, их оценка влияет на наши поступки.

Столыпин и Сталин – разные стороны одной и той же медали. Модернизация, которую проводил Петр Столыпин, была не завершена из-за ошибок российского политического класса, они привели в конце 1916 года к заговору элиты против царя. В заговоре участвовали родственники царя, генералы, министры, финансисты, промышленники, депутаты Госдумы. Феодальная по политическому устройству и капиталистическая по экономическому содержанию Российская империя из-за этого нерешенного противоречия рухнула.

Сталин же после жестокой борьбы в среде коммунистического руководства провел-таки эту модернизацию. Ее цена была высокой, но без модернизации страна едва ли выжила бы.

Вот тут вспомним один поразительный разговор Сталина с Черчиллем в августе 1942-го, во время Сталинградской битвы, когда английский премьер вынужден был прилететь в Москву, чтобы объяснить, почему откладывается открытие второго фронта.

В дневнике советского посла в Лондоне Ивана Майского говорится: «Черчилль с большой охотой вспоминал свою встречу со Сталиным. Рассказывал, между прочим, что поставил Сталину такой вопрос: «Скажите, что для вас тяжелее – нынешняя война или коллективизация крестьянства?» Сталин ответил, что коллективизация была тяжелее, ибо там приходилось

иметь дело с десятками миллионов упрямых людей, которые не понимали и не видели преимущества новой системы.

Затем Черчилль, впавший в несколько философский тон, прибавил: «Коллективизация стоила вам жизни несколько сот тысяч, а может быть, и миллионов людей в одном поколении. Зато последующие поколения извлекут из нее без всяких жертв крупные выгоды. Мы бы так не поступили. Мы придаем слишком большую ценность каждой индивидуальной жизни. Мы, вероятно, постарались бы рассрочить процесс на много лет, чтобы избежать концентрации жертв на коротком участке времени. В результате следующие поколения тоже должны были платить свой «налог крови» за перестройку системы. Какой метод лучше? Не знаю. Может быть, ваш и лучше. Однако я совершенно уверен, что в нашей стране он не может быть применен». (Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943. В 2 кн. Кн. 2 (2).М., 2006. С. 270.)

Черчилль явно лукавил или не совсем знал предмет. Речь идет о цене социалистической догоняющей модернизации, вынужденной в своей основе, так как Россия после Первой мировой и Гражданской войн безнадежно отставала в экономическом развитии от западных стран.

Однако и англичане пережили что-то очень похожее на советскую коллективизацию. Когда в конце XV века в Европе вырос спрос на шерсть, овцеводство превратилось в сравнении с земледелием в наиболее доходную отрасль. Крупные феодалы стали перестраивать свои хозяйства на новый лад, превращать в пастбища и разводить овец. Они захватывали общинные земли, сносили крестьянские усадьбы и целые деревни, а захваченные поля огораживали заборами. Эта жестокая экспроприация называется «огораживание», хотя Черчилль мог бы назвать ее и «коллективизацией». По решительности действий английскую элиту можно сравнить с русскими большевиками, но переход от традиционного феодального землепользования к капиталистическому ведению аграрного хозяйства продолжался три столетия. Судьба многих крестьян была печальной: они были вынуждены либо становиться наемными рабочими, либо погибать. Правительство регулировало процесс организации рабочей силы законами, получившими название «Кровавое законодательство», принуждавшими обезземеленных крестьян наниматься на работу к новым собственникам. Закон 1576 года предусматривал создание работных домов для нищих, где людей превращали фактически в рабов, работающих в нечеловеческих условиях за мизерное пропитание. На первый раз за нежелание наниматься крестьяне наказывались плетью до крови, в другой раз им отрезали половину уха, в третий раз они могли быть повешены. За нищенство и бродяжничество угрожало клеймение, тюрьма и галеры. Только в первой половине XVI века было повешено 72 тысячи нищих и бродяг, бывших крестьян.

В общем, везде цена модернизации была очень большой и везде ее проводили решительные и жестокие люди.

Однако рано или поздно наступает пора, когда модернизированное общество требует дальнейшего развития, выдвигая новых лидеров. Так было и после Победы 1945 года.

Данная книга как раз и посвящена конфликту огромного значения, который назван «Ленинградским делом». В нем отражен многовековой «черновик» нашей истории – сотрудничество и одновременно борьба личности и государства, когда сталкиваются традиции прошлого, диктат настоящего и потребности будущего.

В заключение приношу сердечную благодарность всем, кто поддерживал и помогал мне в создании этой книги, – Владимиру Сергеевичу Глаголеву, Александру Леонидовичу Рыбасу, Федору Филипповичу Трушину, Алексею Леонидовичу Федотову, Лео Антоновичу Бокерия, Василию Николаевичу Кичеджи, Виктору Васильевичу Федорову, Валентину Федоровичу Юркину, Филиппу Денисовичу Бобкову, Владимиру Георгиевичу Луневу, Александру Ивановичу Агееву, Андрею Константиновичу Сорокину, Борису Александровичу Куркину, моей

жене Ларисе Владимировне Таракановой, дочери Екатерине Рыбас, внучке Ульяне и внуку Тимофею.

Глава 1

«Это наша кровь»

«Ленинградское дело» – самая выразительная страница истории советского проекта. Лучшие кадры социалистической модернизации, высокообразованные, патриотичные, выдержавшие испытания войной, погибли, находясь в шаге от полного доминирования в государстве.

Долгое время «Ленинградское дело» не имело иного внятного объяснения, кроме как борьба за власть соратников состарившегося Сталина, когда на самом деле в его основе лежали и многие обстоятельства, не зная которые, трудно понять, почему история СССР завершилась катастрофой.

В 1930-е годы нарком тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе в публичных выступлениях говорил, что за последние десять лет советские вузы выпустили около 100 тысяч инженеров и техников, они «являются плоть от плоти нашими, это наша кровь, наши сыновья, наши друзья, наши товарищи». Действительно, эти кадры уже вступали на авансцену экономики: В.А. Малышев окончил Московский технологический институт в 1932 году, в 1937 году стал директором Коломенского локомотивного завода, в 1939 году в возрасте 37 лет возглавил наркомат тяжелого машиностроения; А.Н. Косыгин в 1935 году окончил Ленинградский текстильный институт, через два года стал директором текстильной фабрики, в 1939 году – в возрасте 35 лет – наркомом текстильной промышленности; Д.Ф. Устинов в 1934 году окончил Ленинградский военно-механический институт, в 1940 году стал директором военного завода «Большевик» в Ленинграде, в 1941 году в возрасте 33 лет стал наркомом военной промышленности. К этому поколению относятся и многие другие советские деятели, включая инженера-металлурга Л.И. Брежнева, будущего Генерального секретаря ЦК КПСС. Незадолго до смерти Сталина, в 1952 году, именно они, выпускники советских вузов и выдвиженцы 30-х годов, составляли примерно половину всех министров и заместителей министров правительства СССР. Их карьерный взлет, конечно, был обусловлен «большой чисткой», но в главном их судьба зависела от них самих: от профессионализма, ответственности, самоотверженности. Глядя на тот трагический процесс замещения одного поколения другим, мы должны учесть еще одно обстоятельство: высокий уровень подготовки молодых инженеров, что свидетельствовало в целом о тогдашней политике в области образования. На их плечи легло завершение индустриализации, создание военной экономики и восстановление разрушенной в годы Второй мировой войны страны.

Необходимо сказать несколько слов и о Сталине.

Почему Ленин в 1922 году выдвинул именно его на должность Генерального секретаря правящей партии? Сталин не был ни удобным и покладистым, ни умелым оратором, ни даже теоретиком. Кем же он был тогда? 43 года, грузин, член Политбюро, член ВЦИК, нарком по делам национальностей и одновременно нарком рабоче-крестьянской инспекции. Во время Гражданской войны направлен на самые трудные фронты – против Деникина, против Юденича, против Колчака, против белополяков; в Совете труда и обороны был первым заместителем Ленина; председатель Украинского совета трудовой армии, ответственный за снабжение промышленности углем. Таких, как он, в руководстве всего два-три человека.

До революции 1917 года Сталин вошел в принципиальный спор с самим Лениным, который, как известно, никому принципиальных споров не проигрывал, а Сталину – уступил. Дело касалось главного: как строить деятельность партии – опираясь на заграничные эмигрантские кружки или на партийные организации на российских предприятиях? Ленин и его эмигрантское окружение, в котором были Лев Каменев и Григорий Зиновьев, отстаивали первый вариант, Сталин – второй. Сталинский принцип построения партии оказался наиболее рациональ-

ным. В 1912 году Сталин был избран членом Русского бюро ЦК партии, то есть стал партийным функционером высшего уровня. Он же был первым редактором партийной газеты «Правда», руководил предвыборной кампанией большевиков по выборам депутатов 4-й Государственной Думы. О его ссылках, побегах из ссылок, участии в подготовке террористических актов и экспроприациях не будем много говорить. Для того чтобы понять, почему этот не завершивший полного образования семинарист (он все же имел свидетельство учителя народных училищ) возглавил центральный партийный аппарат, надо сказать о его работоспособности, упорстве, постоянном самообразовании.

Как вспоминал Лазарь Каганович, он знал «пять или шесть Сталиных», то есть Генеральный секретарь изменялся вместе с требованиями времени и требовал этого от других. Еще в 1920 году Сталин написал в статье в «Правде», посвященной 50-летию Ленина, безжалостные строки: «С наступлением революционной эпохи, когда от вождей требуются революционно-практические лозунги, теоретики сходят со сцены, уступая место новым людям».

Сталин начал работу в ЦК очень конструктивно. Он ввел принцип неустанного контроля и исполнение решений вышестоящих органов нижестоящими, создав партийную власть сверху донизу. За считанные месяцы он добился от аппарата подчинения и благодаря этому приобрел огромное влияние.

Логично, что Сталин обратил внимание на человека, потом ставшего лидером «ленинградской группы», на Жданова. Они были во многом схожи.

Но прежде всего надо сказать, кто такой Жданов и почему он, проработав 12 лет первым секретарем провинциального комитета партии, возглавил после убийства С.М. Кирова Ленинградский обком и горком партии, а затем стал главным идеологом и вторым человеком в Кремле.

Говоря о нем, надо вспомнить о его предшественнике по руководству идеологией Николае Бухарине. Для контраста.

Кто такой Бухарин? «Любимец партии», никогда вполне не понимавший диалектики, как говорил о нем Ленин; лидер «правого уклона», видевший в постепенном накоплении капитала основу для постепенной же индустриализации; руководитель Коминтерна, ярый интернационалист; называл поэзию Сергея Есенина «идеологическим знаменем кулацкой контрреволюции»; обладатель коллекции бабочек, которую собирал всю жизнь; академик Академии наук СССР; оказал большую поддержку Сталину в борьбе с Троцким, а затем – с Зиновьевым и Каменевым в 20-е годы, в 1928 году в пылу полемики назвал Сталина «мелким восточным деспотом»; на XVII съезде партии заявил: «Обязанностью каждого члена партии является сплочение вокруг товарища Сталина, как персонального воплощения ума и воли партии»; женат третьим браком.

«Бухарин, невысокий, рыжебородый человек с глазами фанатика, о котором говорили, что он более левый, чем сам Ленин» (Рид Дж. Восставшая Мексика. Десять дней, которые потрясли мир. Америка. М., 1968. С. 480). Он выступал против Брестского договора. После смерти Ленина, возглавляя «Правду», обладал «монополией» на пропаганду в партии и Коминтерне. В 1928 году он в борьбе против Сталина обратился за поддержкой к Зиновьеву и Каменеву. В 1935 году, после убийства Кирова, Бухарин писал о них как о «фашистских перерожденцах». Он был, наряду со Сталиным и Ждановым, членом комиссии по выработке новой Конституции (1936). Был горячим сторонником идеи перевести русский кириллический алфавит на латиницу.

Не поняв характера перемен в СССР и продолжая оставаться «интернационалистом», Бухарин оспаривал мысли Сталина о возвращении к идее российской государственности. Вот характеристика, из которой много становится понятно:

«Бухарин испытывал подлинную ненависть к русскому прошлому и, пожалуй, из всех лидеров большевистской партии наибольшим образом олицетворял антинациональные идеи

раннего большевизма. Недаром он был одним из лидеров левого коммунизма в начале революции. Это не было следствием его функционального положения. Это было нечто экзистенциальное, некая национальная самоненависть, национальный нигилизм» (Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980. С. 207).

Так, 26 января 1927 года, выступая на Ленинградской партийной конференции, Бухарин считал необходимым предупредить о главной опасности в национальном вопросе: о русском национализме, а также о появившихся «перехлестах националистических мотивов в литературе».

К характеристике Бухарина надо добавить его признание в автобиографии, написанной в 1926 году, что в детстве, прочитав «Три разговора» В. Соловьева, мечтал стать Антихристом.

Было бы иллюзией этого внешне добродушного, улыбочивого «любимца партии» считать белой вороной в железной гвардии большевиков, выигравшей жестокую Гражданскую войну. Но его время прошло.

Картина внутренней борьбы полна трагических эпизодов, что вообще характерно для всех послереволюционных эпох. Так называемые «чистки партии» отразили это как массовое явление.

Так, на январском пленуме 1933 года было объявлено об очередной чистке партии. Численность ВКП(б) небывало выросла, почти до 4 млн. человек, и пестрота ее нового состава стала внушать опасения.

Исследования историков свидетельствуют о поразительном с точки зрения обвинителей Сталина факте: «Так называемые партийные чистки между 1933 и 1936 годами являли собой скорее попытку ликвидировать эту слабость (недееспособность. – *Авт.*), чем политическую охоту на ведьм». (Гетти А. Партия и чистка в Смоленске // Смоленщина на страницах американской исторической литературы. М., 2003. С. 290.)

«Административный хаос» на местах существовал повсеместно и порождал конфликт между Москвой и регионами, что обернулось радикальной чисткой 1937 года.

В самой партии Сталин столкнулся с той же проблемой, что и в промышленности: не хватало толковых и ответственных кадров. В результате наверх поднимались демагоги, мелкие вори, растратчики. Часто складывались коррупционные связи.

Сложился довольно устойчивый миф, что «аппаратчик» Сталин к началу 30-х годов создал в секретариате ЦК всеобъемлющее досье на всех партийных функционеров, которое позволяло управлять практически всеми партийными организациями в стране. На самом деле это фантазия. Единого учета тогда не было даже в ОГПУ, что позволяло многим людям, имевшим основания не любить и опасаться властей, укрываться от их опеки, меняя место жительства. Местными кадрами занимались местные партийные комитеты, а Организационно-распределительный отдел ЦК осуществлял лишь поверхностный контроль. (Гетти А. Партия и чистка в Смоленске. Смоленщина на страницах американской исторической литературы: Сборник. С. 295.)

К 1933 году в стране было 30 тысяч освобожденных партийных функционеров. Сколько из них были образованными и принципиальными, можно только догадываться. Партия не слишком быстро модернизировалась.

Так, например, в докладной записке замнаркома тяжелой промышленности начальника Главного управления Главцвет-метзолото А.П. Серебровского наркомату тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе об обследовании работы Калатинского и Красноуральского медных комбинатов говорится: «Надо на Калате расчистить всю головку, чем мы и занимаемся теперь. Эту атмосферу лжи, обмана, очковитирательства надо уничтожить. Сил нет от их вранья – даже в журналах официальные записки работы неверны. Спекальная фабрика не работает, а по журналу она проводится и т. д.». (Цит. по: Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945 гг.). М., 1996. С. 408.)

Негодование Серебровского вполне понятно. Приводимые им многие примеры рисуют картину «явного и наглого мошенничества», которое необходимо «уничтожить», «подвернуть гайки покрепче, а то народ на местах распустился до безобразия».

Иногда факты некачественного руководства приводили советского вождя в ярость.

Например, 7 ноября 1940 года на праздничном приеме в честь Октябрьской революции Сталин вдруг заговорил о необходимости использовать опыт недавних боевых действий, то есть опыт восходящей военной звезды Георгия Жукова.

Он сказал: «Мы победили японцев на Халхин-Голе. Но наши самолеты оказались ниже японских по скоростности и высотности. Мы не готовы для такой войны, которая идет между Германией и Англией. Оказалось, что наши самолеты могут задерживаться только до 35 минут в воздухе, а немецкие и английские по несколько часов!»

Если наши воздушные силы, транспорт и т. д. не будут на равной высоте наших врагов (а такие у нас все капиталистические государства и те, которые прикрашиваются под наших друзей!), они нас съедят». (Сталин И. В. Сочинения. Т. 18. Тверь, 2006. С. 207–208.)

М.И. Калинин попытался оправдаться: мол, «как-то времени не хватает», но Сталин вспылил: «Между тем, никто из военного ведомства не сигнализировал насчет самолетов. Никто из вас не думал об этом. Я вызывал наших конструкторов и спрашивал их: можно ли сделать так, чтобы и наши самолеты задерживались в воздухе дольше? Ответили: Можно, но никто нам такого задания не давал! И теперь этот недостаток исправляется.

У нас теперь пехота перестраивается, кавалерия была всегда хорошая, надо заняться серьезно авиацией и противовоздушной обороной. С этим я сейчас каждый день занимаюсь, принимаю конструкторов и других специалистов. Но я один занимаюсь со всеми этими вопросами. Никто из вас об этом и не думает. Я стою один.

Ведь я могу учиться, читать, следить каждый день; почему вы это не можете делать? Не любите учиться, самодовольно живете себе. Растрчиваете наследство Ленина». (Сталин И. В. Сочинения. Т. 18. С. 208.)

В этой сцене вскрыты взаимоотношения в правящей группе. Заключительные слова Сталина приоткрывают направление его мыслей. Кроме удара «по толстякам», надо искать опору вне руководящего слоя.

Он резко отреагировал на реплику Калинина: «Нет, не в этом дело! Люди беспечные, не хотят учиться и переучиваться. Выслушают меня и все оставят по-старому. Но я вам покажу, если выйду из терпения. (Вы знаете, как я это могу.) Так ударю по толстякам, что все затрепещит». (Сталин И. В. Сочинения. Т. 18. С. 208.)

На фоне «толстяков» резко выделялась фигура Андрея Александровича Жданова (родился 26 февраля 1896 г.).

По воспоминаниям его сына: «Он происходит из семьи высокообразованных интеллигентов-разночинцев. Его отец, Александр Алексеевич, был инспектором народных училищ; где-то в архивах затерялась его научная работа «Сократ как педагог». До сих пор в нашем семейном архиве хранится пышная по оформлению Библия на арамейском языке. Ее привезли деду из Палестины ученики с посвящением «Александру Алексеевичу Жданову от слушателей Московской духовной Академии XLIX и L курсов, 23 сентября 1883 г.».

Моя бабушка со стороны отца, урожденная Горская, из рода высших служителей церкви в России, была замечательной пианисткой. Еще звучат в памяти ее исполнения произведений Листа, Шопена, Шумана, Чайковского, Грига. На них и был воспитан музыкальный вкус моего отца.

В роду отца – «дядя Сережа», профессор астрономии Киевского университета С.К.Всехсвятский – создатель гипотезы солнечного ветра, романтической концепции эруптивного происхождения комет.

«Покончить с хулиганским отношением к интеллигенции!»— эта мысль отца вошла в одно из довоенных постановлений ЦК ВКП(б)...

А.А. Жданов относился к революционно-демократическому крылу российской интеллигенции, к разночинцам в самом добром смысле. Отсюда его неприязнь к эстетству, салонному стилю, аристократизму, декадансу и модернизму. Вот почему, рассердившись на родственницу, мешаночку, которая любила твердить: «Мы – аристократы духа», он в сердцах сказал: «А я – плебей!» (Жданов Ю.А. «Во мгле противоречий». «Вопросы философии» № 7, 1993 г.)

Как пишет биограф Жданова Алексей Вольнец, «Православный богослов и русский социал-демократ Александр Жданов стал первым учителем своего сына, благо знания и педагогический опыт позволяли. Отец принадлежал к той исконной русской интеллигенции, которая вела свое происхождение от Ломоносова и классиков русской литературы. Владея древнееврейским, древнегреческим, немецким и французским языками, зная европейскую культуру, увлекаясь идеями марксизма и социализма, он, тем не менее, – выражаясь более поздним языком его сына – не «низкопоклонствовал перед Западом» и был далек от всяческого новомодного «декаданса». (Вольнец А. Жданов – неразгаданный сфинкс Ленинграда. <http://www.apn-spb.ru/publications/article9215.htm>)

Карьера Андрея Жданова складывалась так: Тверское реальное училище, Петровско-Разумовская сельскохозяйственная академия в Москве, Царицынский студенческий батальон, 3-я Тифлисская школа прапорщиков, командир взвода в 139-м запасном пехотном полку в Шадринске Пермской губернии, Шадринский уездный комиссар земледелия, организатор крестьянской коммуны «Первый просвет новой жизни», Екатеринбургский окружной комиссар Красной Армии, инструктор политотдела 3-й армии Восточного фронта, участник боев с Екатеринбургской группой войск адмирала А.В. Колчака. В январе 1919 г. познакомился со Сталиным и Дзержинским, прибывшими в 3-ю армию для расследования причин поражения под Пермью.

В течение 12 лет Жданов руководил Нижегородским губкомом (Горьковским обкомом) партии, показал себя принципиальным сторонником идеи ускоренной индустриализации, очень скромным человеком (жил с семьей в коммунальной квартире), неоднократно встречался со Сталиным. С 1930-х годов Жданов становится одним из ведущих региональных руководителей СССР. За годы его руководства область стала одним из мощнейших промышленных регионов страны, «Русским Детройтом»; здесь было открыто шесть учебных институтов.

В начале 1934 года он был переведен на работу в ЦК для помощи занятому в Ленинграде Кирову и был назначен секретарем ЦК ВКП(б), курировал сельскохозяйственный, планово-финансово-торговый, политико-административный отделы, отдел руководящих парт-органов, Управление делами и секретариат ЦК. Он слыл среди советских руководителей «мягкотелым», в 1938 году высказывался за свертывание репрессий. Как писал Л. Троицкий: «Если Сталин создан аппаратом, то Жданов создан Сталиным». (Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2003. С. 158.)

Борьба различных групп за влияние на Сталина велась непрерывно и всегда выражалась в конкретных действиях и решениях. Так, накануне войны он принял несколько важнейших решений о создании военной техники. Одно из них было инициировано как раз в Ленинграде и касалось изготовления танковой брони. В 1935 году тридцатилетний инженер Александр Завьялов, заведующий центральной лабораторией на Ижорском заводе, провел испытания брони танков Т-18 и Т-26, бывших тогда на вооружении. Снаряд 37-миллиметровой пушки, самой малокалиберной, разносил их броню в осколки. Ничего удивительного в таком результате не было, так как броня предназначалась для защиты от пуль. Но Завьялов, назвав танки «ходячими гробами», замахнулся на изменения всей концепции танкостроения. Руководство

Автобронетанкового управления РККА и директор танкостроительного завода восприняли критику инженера болезненно. Действительно, танки были «гробами», что вскоре подтвердилось в ходе испанской войны, но такие танки были тогда у всех европейских армий. Завьялов предугадал, как будет в ближайшее время развиваться танкостроение и как это отразится на военной стратегии. Он предложил новую технологию производства брони. И не был понят ни заказчиками, ни начальством. В условиях тогдашней системы власти это означало трагическую развилку его судьбы: либо стать изгоем, либо обратиться за помощью наверх. Завьялова уволили. Он направил письмо в Ленинградский обком партии А.А. Жданову, который принял единственно правильное решение.

Вскоре записка инженера оказалась у Сталина. В мае 1936 года чекисты доставили Завьялова в кабинет вождя на заседание Совета Труда и Оборона. Конечно, можно бы сказать «пригласили», но едва ли это слово будет точным. Разговор длился несколько часов. Инженер оказался подготовлен лучше оппонентов: опираясь на свой профессиональный опыт металлурга и знания ситуации на германских заводах Круппа, где он побывал в командировке, он доказал, что советская металлургия на сегодня не готова обеспечить броней танки, подводные и надводные корабли. (В 1936 году Михаил Тухачевский определял техническую политику в Наркомате обороны, а свояк Сталина Павел Аллилуев был комиссаром Автобронетанкового управления РККА.)

По решению Сталина было создано новое управление «Спецсталь», куда вошли Ижорский и Мариупольский металлургические заводы, а на базе центральных лабораторий этих заводов создали Центральные броневые лаборатории (в 1939 году преобразованные в Броневой институт). В итоге завьяловской дерзости армия быстро получила основу для создания целого шлейфа военной техники, которая оказала в годы войны решающее воздействие – средний и тяжелые танки Т-34, КВ, ИС, штурмовик Ил-2, линкоры, эсминцы и подлодки. Броня завьяловского Броневоего института, где освоили и производство цельнолитых танковых башен, была в прямом смысле и детищем нового поколения.

Обновление кадров становилось насущной потребностью государственной политики. Однако экономическая власть по-прежнему находилась в руках больших и малых кланов, сложившихся в отраслях промышленности и в регионах, где партийное руководство и директора заводов образовывали свои союзы и кланы и скрытно сопротивлялись Москве.

Партийно-хозяйственные «мафии» распоряжались значительными ресурсами, стремились в полном объеме не доводить до центра местные конфликты и проблемы, чтобы не подвергаться угрозе попасть в «чистку» или угодить под следствие по обвинению в саботаже, вредительстве или шпионаже. Сталинизм в его основном облике Всеобъемлющего Государства был им чужд. Они хотели более мягкого сталинизма, который бы закрывал глаза на их умеренную буржуазность и стремление чуть-чуть «пожить для себя».

Философ Александр Зиновьев определил состояние тогдашнего общества так: «Сталинизм способствовал созданию новой сети власти, вырос на ее основе, но вместе с тем он противостоял ей, боролся против нее, стремился сдержать ее рост и рост ее силы. Миллионы шакалов устремились в эту сеть власти. И не будь сталинской сверхвласти, они сожрали бы все общество с потрохами, разворовали бы все, развалили бы все...» (Зиновьев А. А. Сталин – нашей юности полет. М., 2002. С. 256).

Но относится ли это определение («шакалы») к старым партийцам? Судя по действиям сталинской группы, относится. Круговая порука «удельных князей», групповщина, кумовство создавали новые формы социального неравенства и закупоривали директивные каналы управления.

В борьбе с этой тенденцией сталинская группа решила на изменение политической основы власти, начала работу над новой Конституцией, которая предусматривала не монополию одной партии, а многопартийность и альтернативные выборы.

В феврале 1936 года на пленуме ЦК партии член Конституционной комиссии Жданов подчеркнул, что «коммунистов в нашей стране два миллиона, а беспартийных «несколько больше», т. е. он не оставил сомнения в том, кто от кого будет зависеть на выборах.

В интервью американскому журналисту Рою Говарду 1 марта 1936 года Сталин сказал еще определеннее: «Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти».

В проекте новой Конституции делалась ставка на новые кадры, их социальную активность и способность в открытом соперничестве взять верх над «старой гвардией», прошедшей три революции и гражданскую войну, вкусившей насилия, крови и славы. Опыт всех революций убеждает в том, что победители начинают ожесточенную борьбу друг с другом.

Кроме того, не секрет, что старый правящий слой демонстрировал непонимание политической обстановки, постоянно стремился к улучшению своих бытовых условий, что вступало в противоречие с пуританской идеологией социалистической модернизации.

Не случайно 1 февраля 1938 года по настоянию Сталина Политбюро приняло постановление не о военных или экономических задачах, а «О дачах ответственных работников». В рукописном оригинале, написанном предположительно Молотовым, говорилось, что «бывшие вельможи» (Рудзутак, Розенгольц, Агранов, Межлаук, Карахан, Ягода и др.) понастроили себе грандиозные дачи, дворцы в 15–20 и более комнат, где они роскошествовали и транжирили народные деньги, демонстрируя этим свое полное бытовое разложение и перерождение...». (Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов в 1917–1956. М., 2005. С. 371.)

Было прямо указано: элита стремится к роскоши, и это неприемлемо.

Это постановление появилось на свет уже после того, как сталинская группа потерпела поражение с новой Конституцией.

Она должна была разрушить сложившуюся с 1918 года практику. Снималась самая революционная часть действующей Конституции, «Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик», где декларировалось стремление к Мировой революции, выражалась вера в ее неизбежное торжество с объединением «трудящихся всех стран в Мировую Советскую Социалистическую Республику». Это было явное отступление от идей Октября, с точки зрения Троцкого, – капитулянтство.

Сталинский проект реформировал и избирательную систему. По Конституции 1924 года высшую власть (Съезд Советов СССР) составляли представители городских и сельских советов из расчета один депутат на 25 тысяч городских избирателей и один депутат на 125 тысяч сельских. Делегаты на Съезд Советов избирались не на прямых выборах, а выборщиками, состав которых регулировался руководителями крайкомов и обкомов.

Теперь же выборы предлагалось проводить «на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании». Вместо производственного принципа выдвижения кандидатов (от заводских и фабричных коллективов) предполагалось выдвижение от территориальных округов. Право выдвижения кандидатов предоставлялось общественным организациям и обществам трудящихся: коммунистическим парторганизациям, профсоюзам, кооперативам, молодежным организациям, культурным обществам.

Здесь уместно привести один документ, относящийся к началу социалистической модернизации. Вопреки бытующим мнениям, что Советский Союз «отказался» во время Великой Отечественной войны от своих военнопленных, на самом деле все было не так. В августе 1931 года в Москве была совершена важнейшая дипломатическая акция, свидетельствующая о новых тенденциях в советской политике:

«Декларация.

Нижеподписавшийся народный комиссар по иностранным делам Союза Советских Социалистических Республик настоящим объявляет, что Союз Советских Социалистических Рес-

публик присоединяется к конвенции об улучшении участи военнопленных, раненых и больных в действующих армиях, заключенной в Женеве 27 июля 1929 г.

В удостоверение чего народный комиссар по иностранным делам Союза Советских Социалистических Республик, должным образом уполномоченный для этой цели, подписал настоящую декларацию о присоединении.

Согласно постановлению Центрального исполнительного комитета Союза Советских Социалистических Республик от

12 мая 1930 года настоящее присоединение является окончательным и не нуждается в дальнейшей ратификации.

Учинено в Москве 25 августа 1931 г.

(подпись) Литвинов».

(ЦГАОР СССР фонд 9501, опись 5, ед. хран. 7 лист дела 22.)

Присоединение к Женевской конвенции косвенно означало, что руководство СССР отказывается от радикальных идей «мировой революции».

В проекте же Конституции не было и намека на диктатуру пролетариата. Роль партии теперь выражалась не по ленинской формуле «авангард рабочего класса», а гораздо либеральнее: передовой отряд трудящихся, руководящее ядро «всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». Партийные руководители, привыкшие автоматически избираться в Советы, должны были теперь постоянно доказывать свое право на лидерство. Вдобавок к этому декларировалась независимость судов.

Очевидно, что после принятия новой Конституции партийная элита оказалась бы в подвешенном состоянии: все полномочия переходили к Совнаркому и Президиуму Верховного Совета. Это критический пункт во взаимоотношениях сталинской группы с правящей бюрократией: она предлагала ослабляющую их власть реформу.

Точно так же в проекте говорилось, что колхозное крестьянство и интеллигенция теперь являются равными рабочему классу членами общества. Речь шла о расширении политической базы власти и максимальной замене «старой гвардии» выдвиженцами из простонародных слоев, которые уже стали весомой силой. Новая Конституция должна была встроить в советскую практику новый механизм саморазвития, который подталкивал бы элиту к конкуренции подобно буржуазной жажде прибыли и был бы способен контролировать бюрократию.

25 ноября 1936 года открылся VIII Чрезвычайный съезд Советов СССР для обсуждения и принятия новой Конституции. На следующий день собрался пленум ЦК. На нем Сталин повторил известные мысли об изменениях, происходящих в стране, и необходимости создать более гибкую и мощную, чем диктатура пролетариата, систему управления обществом. Он высказался против политического давления на Церковь и сохранения института «лишенцев». Это означало, что большая группа населения получит избирательные права.

Отныне выборы должны были стать всеобщими, прямыми, тайными, а избирательным правом обладать все.

На пленуме ЦК соотношение сил было не в пользу сталинской группы. Членов ЦК сильно встревожило предложение: кандидатов в Советы будут выдвигать не только парторганизации, но и другие, беспартийные образования; новая система должна ударить по бюрократам, оторвавшимся от масс, и облегчить выдвижение «новых сил из передовых рабочих, из крестьян и интеллигентов, которые должны прийти на смену отсталым и обюрократившимся».

Большинство членов ЦК фактически выступило против Сталина. Здесь находится источник внутриэлитного террора 1937 года.

Последующая реакция правящего слоя была адекватной. Секретари региональных партийных организаций стали призывать Кремль к окончательному разгрому всех, кто мог представлять мало-мальски ощутимую угрозу на будущих альтернативных выборах. Началась

настоящая война за место под солнцем. Противостояние развивалось в двух направлениях: сверху шли удары по оппозиционерам и потенциальным противникам в регионах, снизу партократия стремилась очистить подконтрольные территории от политических конкурентов.

В результате неафишируемой борьбы большинства против сталинской группы из окончательного варианта Конституции исчез принцип многопартийности. Родилось понятие «Блок коммунистов и беспартийных».

На XVIII съезде партии в 1939 году секретарь ЦК ВКП(б), член Политбюро Жданов делал доклад об изменениях в Уставе ВКП(б) и, в частности, сказал: «Партия на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 г. и январском Пленуме ЦК 1938 г. осудила практику формального и бездушного отношения к вопросу о судьбе членов партии. Эта практика, как известно, была широко использована проникшими в партию карьеристами, стремившимися отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, а равно и замаскированными врагами внутри партии, стремившимися путем широкого применения мер репрессий перебить честных членов партии и посеять излишнюю подозрительность в партийных рядах. Враг, изменив тактику, уцепился за бдительность и, спекулируя на этом, стремясь под прикрытием фальшивых речей о бдительности перебить как можно больше честных коммунистов, имел в виду посеять взаимное недоверие и дезорганизовать наши ряды. Клевета на честных коммунистов под флагом «бдительности» является в настоящее время наиболее распространенным способом прикрытия, маскировки враждебной деятельности. Неразоблаченные осиные гнезда врагов ищите прежде всего среди клеветников... Особенно большие размеры приняло в свое время, да и сейчас еще имеет место, исключение из партии по мотивам «связи» с врагами.

На этом основании было огульно исключено из партии немалое количество честных работников, вся вина которых заключалась в том, что им по условиям работы приходилось встречаться и видаться с врагами народа – «проходить по одной улице».

Эта ходкая формула – «связь с врагами народа» – широко использовалась антипартийными элементами для избиения честных коммунистов. Она, эта формула, употреблялась в таком широком и распространенном толковании, что под нее подводились самые обычные вещи – и обычное знакомство, и совместная по обязанности работа с врагами, и действительная связь с врагами – без каких бы то ни было градаций, все тонуло в общей формуле.

На этом основании было допущено, да и сейчас еще допускается большое количество ошибок». (Стенографический отчет XVIII съезда ВКП(б). М., 1939. С. 511.)

Жданов был избран членом Политбюро.

Глава 2

Проращение ленинградских руководящих кадров

К 1941 году произошли большие изменения в советской элите, на руководящие посты выдвинулись специалисты, прошедшие советскую школу и практику, – инженеры, ученые, военные.

На XVIII партийной конференции, начавшейся 15 февраля 1941 года, в докладе Г.М. Маленкова было сказано о трудностях в экономике, было также отмечено, что «в результате успехов освоения новой техники и роста оборонной промышленности значительно повысилась техническая оснащенность Красной Армии и Военно-морского флота новейшими видами и типами современного вооружения».

Маленков потребовал большей самостоятельности директорскому корпусу, изгнания невежд с партбилетами и вообще выдвижения профессионалов.

Именно тогда произошли изменения в сталинском окружении. Они были связаны с продолжающимся закреплением в правящем классе нового пополнения, сталинского кадрового призыва. Чтобы понять его значение, достаточно назвать несколько человек из этого отряда, сыгравших решающую роль в военное время: среди них – Н.А. Вознесенский, А.С. Щербаков и А.А. Кузнецов, выдвиженцы А.А. Жданова.

Чтобы понять вообще роль ленинградских руководителей, надо сказать, что это было первое поколение правящей элиты города, которое почти в полном составе имело высшее образование.

«Для сравнения, в 1940 году, когда эти люди уже заняли высокие должности, в Ленинградской партийной организации доля коммунистов с высшим образованием составляла всего 9,8 %». (Смирнов А.П. Ленинградское дело. Портрет поколения. История Петербурга. № 6 (34)/2006. С. 18–23.)

8 ноября 1937 года, в 20-ю годовщину Октября, на неофициальной встрече в Кремле с советскими и коминтерновскими руководителями Сталин провозгласил в своей речи тост за строителей нового Советского государства. Кроме того, он высказал несколько важных мыслей.

Первое. СССР – это колоссальное государство, внутренне тесно связанное (в отличие от империи) экономически и политически и способное держать врагов в страхе.

Второе. СССР – государство для народа, среди его равноправных наций «самая советская и самая революционная» – это русская.

Третье. Всякий, кто попытается ослабить мощь СССР или попытается «даже в мыслях» оторвать от страны хоть кусочек и «этот кусочек подарить какому-нибудь протекторату», будет уничтожен «со всем его родом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.